

ПОЧЕМУ НЕВЕСЕЛЫ КУКЛЫ

ЧЕРНЫШОВ
Москва

18 ИЮН 1986

В Москве, рядом со станцией метро «Бауманская», на Спартаковской улице, есть кукольный театр. Здесь ставятся спектакли — для детей и взрослых, работают актеры, действуют режиссерская, литературная, педагогическая и постановочная части. У театра обширный репертуар, включающий пьесы, современные инсценировки и классические произведения, отвечающие различным жанровым интересам. Регулярно выпускаются премьеры: радостные лица на сцене, цветы, аплодисменты. Есть зрители: на детских спектаклях зал полон всегда, на взрослых — часто. Есть два зала — большой и малый. Есть, наконец, гардероб, фойе и буфет. От центра Москвы до театра — десять минут.

Но если измерить расстояние художественной мерой, то путь от сегодняшнего искусства до искусства театра на Спартаковской — добрых полтора десятка лет, и это путь назад. Несмотря на явные признаки жизни, ощущения от этого театра как художественного явления в сознании москвичей нет. Газеты о нем пишут редко, журналы — и того реже. К неблагоприятному положению в Московском городском театре кукол все давно уже привыкли.

Не станем сейчас выискивать конкретного виновника застарелой хронической болезни, которая поразила театр. Все было бы слишком просто, если бы можно выбрать одно имя и им ограничиться. К тому же в театре сейчас нет главного режиссера, которому можно было бы предъявить традиционные претензии: как довел до такого? Почему запустил? Зачем сидишь на этом месте? Но, думается, главному управлению культуры исполкома Моссовета давно уже следовало обеспокоиться положением дел в этом коллективе. Всякий театр обладает некой коллективной судьбой, имеет общее лицо; его в известной степени можно уподобить человеку.

Коллективное лицо Московского кукольного театра смутно и невыразительно. Это лицо уставшего, раздраженного человека. Ему ничто не мило, его ничего не волнует, кроме собственных болезней. Любая новая идея гаснет, не найдя отклика. Его шутки не остроумны и не смешны,

жаргон устарел, вкусы отдают грубой архаикой. Высказывания на серьезные темы натыщены. В своей болезни такой человек готов винить кого угодно: докторов, окружающую среду, наследственность, но никогда — самого себя.

И вместе с тем такого человека жалко: зачем столь недостойно тратить жизнь?

В чем-то Московский кукольный театр напоминает набросанный здесь схематичный портрет. Судить об этом можно по спектаклям, ведь именно они дают повод для столь мрачных сравнений.

Спектакли в этом театре есть похуже и получше; где-то промелькнет изящная мизансцена, где-то можно порадоваться актерской краске, где-то восхитит удачная кукла. Но нет спектаклей существенных, стоящих на уровне сегодняшнего театра.

Меня спросят: почему же в театре есть публика? Но, позвольте, — как ей не быть в огромном городе, когда из двух кукольных театров, работающих в Москве, один — мемориал, национальное достояние, место туристского паломничества? Попасть в него так же трудно, как в Большой. Ведь каждая составляющая его, начиная с фасадных часов, расписана во всех путеводителях, на всех языках мира...

Конечно, родители, желающие приобщить ребенка к театру, поведут его в другой, более доступный, — в кукольный на Спартаковскую, куда хоть можно достать билеты. И ребенок увидит, затнутое, натужное действие, и это будет называться спектаклем «Все мыши любят сыр», или «Фарфоровая балерина», или еще как-нибудь. Если же какой-либо искушенный папа и возмутится про себя увиденным зрелищем и больше не поведет сюда своего ребенка, то найдутся другие родители, и другие дети, и зал снова будет полон.

Зал будет полон и на взрослом спектакле «Кукольный бенефис» —

пусть случайный, сборный зал, а не любители, которые пришли именно в этот и никакой другой театр. А на сцене появятся огромные портретные куклы нелучшего качества, изображающие звезд современной эстрады, они «споют» известные песни, под известные фонограммы. Нехитрый сюжет, громкая музыка, грубые шутки — все приматы пошлогого рева.

А если тот же зритель почему-то уходит со спектакля «Сеньор рыцарь», так это можно объяснить его, зрительским, бескультурьем. Не винить же себя самих, не снимать же с репертуара скучный, бескрылый и претенциозный спектакль.

Я намеренно не называю имен — ни актерских, ни режиссерских. Дело не в именах, впрочем, не только в них. Дело в том, что эти, возможно, и одаренные люди (или хотя бы частично одаренные, потому что не бывает так, чтобы весь театр состоял из плохих артистов) — дело в том, что эти люди, собранные волею судьбы вместе, создали в своем коллективе застойную, нетворческую атмосферу. Они как белки в колесе вращаются в кругу застарелых амбиций и интриг. Театру нужен свежий воздух, новые идеи, новый руководитель. Человек со стороны. И это тем более актуально, что коллектив уже несколько лет работает без главного режиссера.

Мой пафос объясняется тем, что я достаточно хорошо знаком с искусством сегодняшнего кукольного театра страны, сумевшего выработать богатый, сложный, художественный язык, на котором он говорит о самых глубоких, самых насущных проблемах бытия. Сравнение с лучшими периферийными коллективами дает право говорить о том, что кукольники этого театра бесконечно далеки от истинного искусства.

Нет сомнения — большого надо лечить, однако ни один, даже самый талантливый врач не спасет его без его соучастия.

Е. ДАВЫДОВА.